

Стихотворная эпитафия келарю
Псково-Печерского монастыря Ионе:
неизвестный памятник эпохи
московского барокко*

А. Г. АВДЕЕВ

В статье публикуется неизвестный памятник старорусской эпиграфики конца XVII в. — стихотворная эпитафия келарю Псково-Печерского монастыря Ионе, написанная его сыном Гавриилом. Публикуемая эпитафия являет органичный сплав барочной и традиционной книжной культуры с ярко выраженным авторским началом и биографическим содержанием, а также вводит новое имя в список поэтов-силлабиков эпохи Московского барокко.

Poetic epitaph to Iona, cellarer of the Pskov-Pechersk
Monastery: a previously unknown monument
of the Moscow Baroque era

ALEXANDER G. AVDEEV

This paper publishes a previously unknown monument from the epigraphy of Moscow Russia in the late 17th century—a poetic epitaph to the cellarer of the Pskov-Pechersk Monastery, Iona, written by his son Gavriil. The epitaph represents an organic fusion of Baroque and traditional book culture with biographical content and, at the beginning of the epitaph; it also introduces a new name to the list of syllabic poets of the Moscow Baroque epoch.

<https://doi.org/10.22394/978-5-85006-504-1-31>.

---

* Статья подготовлена в рамках научного проекта «Corpus Inscriptionum Rossicarum / Свод русских надписей» при поддержке Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Университета Дмитрия Пожарского и Лаборатории RSSDA. См. CIR. Научный руководитель проекта А. Г. Авдеев, технический руководитель проекта Ю. М. Свойский.

Одной из сфер научных интересов многоуважаемого Алексея Алексеевича Гиппиуса является древнерусская эпиграфика. И данная статья — скромный дар коллеги по цеху к его юбилею с пожеланием новых достижений на этом поприще.

Русские силлабические эпитафии, отразившие присущий эпохе барокко интерес к человеческой личности, являются наиболее «вестернизованным» типом надгробных надписей (Беляев 1996: 265; Николаев, Царькова 1998: 10; Царькова 1999: 6). Эти произведения появились в Московской Руси в последней четверти XVII в. вместе с потребностью перехода от традиционной «некрологической» эпитафии, фиксировавшей лишь время кончины, к эпитафии «биографической», отражавшей *curriculum vitae* и индивидуальные черты конкретного человека. Однако они появились не как следствие эволюции эпитафийного формуляра, а как привнесённый из Речи Посполитой и не связанный с предшествующей книжностью литературный жанр. В последние десятилетия в их изучении наметился определённый прогресс, связанный в первую очередь с исследованиями Л. И. Сазоновой, Ю. А. Лабынцева, Т. С. Царьковой, А. П. Богданова, Н. Б. Сукиной, М. Ю. Федорцовой, автора этих строк и др.¹

Ныне можно считать твердо установленным, что первую в истории древнерусской книжности «стихотворную» эпитафию, предназначавшуюся для некоего Феодора Тверитина, создал преподобный Максим Грек во время заточения в Тверском Отроче монастыре в 1531–1551 гг. В. К. Былинин обратил внимание на ее стихотворный характер, но считал, что это произведение изначально было создано на русском языке (Былинин 1992: 400–401). М. Ю. Федорцова убедительно показала, что прп. Максим Грек создал эпитафию на греческом языке, используя привычный ему элегический дистих (сочетание гекзаметра и пентаметра), а потом попытался передать этот размер в русском автопереводе, но попытка не была удачной (Федорцова 2020: 139–150).

Жанр стихотворной эпитафии нашел благодатную почву в эпоху московского барокко с ее повышенным интересом к слову. Родоначальником этого жанра в русской книжности стал

1. Лабынцев 1992: 102–108; Богданов 2005; Сукина 2005: 125–130; Сазонова 2006; Авдеев 2006; 2017: 55–177; Федорцова 2020: 139–150.

белорусский монах Симеон Полоцкий, воспринявший во время обучения в «восточнославянских Афинах» — Киево-Могилянской академии — традиции польского, белорусского и малороссийского литературного барокко и синтезировавший их с московскими традициями. Именно он ввел термин «эпитафия» в русский язык.

Вплоть до 1675 г. силлабическая эпитафия на Руси бытовала как книжный жанр. Первым случаем перевода «книжной» эпитафии в «реальную» стала надпись на надгробной плите Епифания Славинецкого († 19 ноября 1675 г.), созданная справщиком Печатного двора Евфимием Чудовским.

Вопреки устоявшемуся мнению историков русской литературы XVIII в. о кратковременности эпохи силлабического стиха и массовом под влиянием реформы русского стиха, проведенной В. К. Тредиаковским и М. В. Ломоносовым, переходе во второй половине 1730-х гг. к силлабо-тоническому стихосложению (Поззия 2016: 337), силлабическая эпитафия прочно удержалась в русской эпиграфике. Самый поздний из известных мне датированных примеров этого жанра увековечен на надгробии генерал-аншефа П. Г. Племянникова († 11 июля 1773 г.) на некрополе Севского Спасо-Преображенского монастыря (Авдеев 2017: 169–170). Закат силлабической эпитафии демонстрирует стихотворная надпись на надгробии умершего в 1653 г. митрополита Сарского и Подонского Серапиона в Троицком Калязине монастыре, которая была создана в конце 70-х — начале 80-х гг. XVIII в. в связи с чудесным исцелением некоего петербургского купца (СIR 4050). Практически забытая в XIX в., силлабическая эпитафия в начале следующего столетия возрождается на старообрядческих кладбищах Москвы.

Одной из главных задач в изучении русской силлабической эпитафии остается поиск и комментированное издание произведений этого жанра, рассеянных по дореволюционным публикациям и рукописным собраниям. Находки неизданных эпитафий, сохранившихся на надгробных камнях, пока относятся к числу наиболее редких, но их публикация позволяет расширить представление о распространении и эволюции этого жанра.

В ноябре 2016 г. группа СIR документировала надгробные плиты-вставки в пещерном некрополе Псково-Печерского монастыря². Хотя наиболее полная публикация данного комплекса эпиграфических памятников была осуществлена И. И. Плешановой во второй половине 60-х — конце 80-х гг. прошлого

2. О методике работы с эпиграфическими памятниками в рамках СIR см. Авдеев, Свойский 2019: 229–260.

века (Плешанова 1966: 149–206; 1978: 63–185), в ходе документирования были выявлены неизданные исследовательницей плиты, в том числе и публикуемая здесь стихотворная эпитафия, которой в Своде присвоен порядковый номер CIRO351 / OGO517 (рис. 1 на вклейке).

Плита расположена в конце галереи 6 на правой (северо-западной) стене, справа от входа в обширную пещеру с захоронениями XIX в.

Эпитафия вырезана на белокаменной плите-вставке трапециевидной формы размером 72 × 83 см. Внешняя кайма представляет собой раппорт, состоящий из ритмичного чередования одинарных бусин с тянутыми овальными перемычками. В углах рамки помещены стилизованные изображения цветов, что в целом включает декоративное оформление плиты в культуру московского барокко. Поверхность плиты имеет небольшие выщерблины. Врезная надпись в 16 строк выполнена в технике трехгранно-выемчатой резьбы. Эпиграфическое поле трапециевидной формы с дополнительным прямоугольником в нижней части отделено по периметру от декоративной рамки плоской линией. Центр строк 1–5 разделяет изображение Голгофского креста в киоте. Крест установлен на куполообразной Голгофе, в центре которой находится стилизованное изображение главы Адама. Киот отделен от эпиграфического поля рамкой в виде плоской линии. Текст надписи раскрашен черной и красной красками: начальные буквы слов выделены красной краской. Границы строк надписи не совпадают с делением текста на стихотворные строки.

Транскрипция

Крестные имена при изображении Голгофского креста (стк. 1–5):

црѣ слвы

іѣ (верхняя) иици (перекладина) хѣ

ни (древко креста) ка

ко (древко копия) (нижняя перекладина креста) (древко трости) трѣ

5 (склон Голгофы) г (глава Адама) а (склон Голгофы)

Текст эпитафии:

кѣждо ѡхѣди иго свѣга члвкъ прии (крест) нѣл в свѣтѣ [е]нѣ вѣс мнѣко жнзни ѡ
члвчнѣтѣ смѣтѣ ѡвѣкал нѣхѣди (крест) ти . ни рѣз смнрѣмѣ спѣ[вн]ѣ . до рѣка
ввѣдѣти; ѡ ни зацнѣтѣ вѣгѣ (крест) тво ни прииѣтѣ свѣтѣи мѣли і
вѣлицы падѣ при еѣ кѣсѣн. ѡ (крест) дѣ жн смѣтѣ во грѣки тѣло

5 зѣвѣнѣл; ииѣл камнѣи дѣи (крест) ри зацнѣтѣл вѣлѣкѣи прии

- лицѣ нѣи кто зде окрѣла . Ѹмине [я е. г. сердцем] на грѣ и взираа . обрѣтатѣ обѣ
 тели сѣа, зде авлаа іеромна ино вѣтаниа чѣ: кѣа сѣ прекываа и
 мѣаи деломѣ, погрѣкѣ лежи зде телѣ, іона нѣа смѣ совѣщенѣ в ста
 рости . рцы да причтѣ его кѣа избранны радостѣ; і аьгельскаго сподобисѣ
 10 чину . онамо прѣкывати в нѣе выну; жи сѣ грѣ в земли ископаа, і в полѣ
 тѣ место его уготовляа; подобно сѣ на всѣ поминати, аще і в мнѣе жи;
 вѣщи даи знати; лѣта зде гоу сѣ прино алаа; алаа е даа кто
 вѣра поминла, в чѣтои грѣи заканчисѣ тако і написанне сѣ по
 ложисѣ . велики чинѣтели чѣти пощисѣ, сѣамѣ бо его г<а>нѣо сѣ
 15 служисѣ . рѣсѣдении всѣ и грѣ сѣ прѣлаган аще чѣо совершиа
 ісправы желан

Практическая транскрипция

|¹ Кийждо отходя сего света ч(е)л(о)в(е)к,
 Преминая в суетах [с]ий век,
 |² Елико жизни ч(е)л(о)в(е)честей смерть обыкла надходити,
 Не раз смиряяй сано[вн]ых, до гроба |³ вводити.
 О, не защитит богатство, не преминет сиротою,
 Мали и |⁴ велицы падут пред ея косою.
 Зде же смерть во гробе тело |⁵ затворила,
 Сим камнем двери заключила.
 Всяки приш|⁶лец, или кто, зде обитая,
 Умилис[я е. г. сердцем], на гроб сей взирая:
 Оби|⁷тател(я) обители сея зде являет,
 Иеромонах инок востания чает.
 Келар(ь) сый, пребывая, и|⁸меяй делом,
 Погробенъ лежит аде телом,
 Иона имя ему, совершен в ста|⁹рости.
 Рцы: да причтет его Б(о)г избранных радости
 И аьгельскаго сподобисѣ |¹⁰чину,
 Онамо ж пребывати в н(е)бе выну.
 Жив сый, гроб в земли ископая
 И в пол|¹¹ате место его уготовляя.
 Подобно ж сие нам всем поминати,
 Аще и в мире жи|¹²вущим дает знати.
 Лета 7201г(о) [1693] году сие присно являя,
 Февраля 5г(о) дня, кто |¹³верен, поминая,
 В чертозе гробнем заключисѣ,
 Також и надписание сие по|¹⁴ложисѣ.
 Всяким, читателю, чести подшисѣ,
 С(ы)ном бо его Гавриилом |¹⁵сие сложисѣ.
 Разсуждению всем и труд сей предлагаю,
 Аще что согрешисѣ, |¹⁶исправы желаю.

Палеографический комментарий

Эпиграфический полуустав высокого качества. Диакритика нерегулярная, разделение на слова отсутствует. Стихотворные строки даны сплошным текстом, однако их границы отмечены интерпунктационными знаками в виде точек, точек с запятой, запятых, двоеточий. Окончание стк. 1 отмечено интерпунктационным знаком в виде пяти точек. Окончание стк. 11 отмечено зигзагообразным знаком, напоминающим паерок. Нижняя петля буквы **В** в слове «во» (стк. 4) не замкнута. Начертание буквы **З** с плоским покрытием и развилкой в месте соединения дуг очень архаично для времени создания надписи; возможна намеренная архаизация, допущенная резчиком: ср. начертание буквы **З** в обозначении года (стк. 12), соответствующая палеографии надписей конца XVII в. Буква **З** в обозначении года (стк. 12) составлена из двух несоединенных дуг. Нижняя дуга выполнена в виде волнистой линии. Продолжением верхней дуги является знак тысячи. Насечки параллельны друг другу. В словах «[с]нѣ» (стк. 1), «смирѣмѣ» (стк. 2) и «сѣ» (стк. 15) «и десятичное» играет роль «и кратко».

Лигатуры: а) Крестные имена: стк. 1 — **цр** в слове «црѣ», **ав** в слове «авы», б) Эпитафия: стк. 1 — **дм** в слове «оуходѣ», **чав** в слове «чавкъ», **пр** в слове «преминѣ», **нк** в слове «нлнко»; стк. 2 — **ав** в слове «чавъсѣтѣ», **ан** и **тн** в словосочетании «обыкла нахъднѣтн»; стк. 3 — **тн** в словах «введнѣтн» и «зацинтѣ», **нпр** и **ни** в словосочетании «ни преминѣ»; стк. 4 — **пр** в слове «прѣ»; стк. 5 — **ав** в слове «заворѣла», **нм** в слове «снмѣ», **ам** в слове «ксамѣ», **ак** и **ан** в слове «заклучѣла», **пр** и **нш** в слове «прнш(лець)»; стк. 6 — **аг** в словосочетании «на грѣ», **нр** в слове «взнрѣл»; стк. 7 — **ни** в слове «ниѣ», **ан** в слове «вогачнл», **пр** в слове «прывѣл»; стк. 8 — **нѣ** в слове «погрѣѣ», **анл** в словосочетании «бона ѣмѣ»; стк. 9 — **тн** в слове (ста)рѣтн, **апр** в словосочетании «да прнчѣ», **нѣ** в слове «ѣзѣрѣны», **тн** в слове «радѣтн», **аг**, **нѣ** и **аг** в слове «ѣгѣскаго»; стк. 10 — **ам** в словосочетании «бона мѣ», **пр** и **тн** в слове «прывѣлѣтн», **нѣ** в слове «нѣѣ»; стк. 11 — **ав** в словосочетании «на вѣ», **ни** и **тн** в слове «памннѣтн», **ач** в слове «ачѣ», **нр** в слове «мнрѣ»; стк. 12 — **тн** в слове «знѣтн», **лѣ** в слове «лѣѣтѣ», **дѣ** в слове «гоѣ», **прн** в слове «прнѣо»; стк. 13 — **нѣ** в слове «вѣрѣ», **ни** в слове «памннѣл», **ак** и **чн** в слове «заклучѣл», **ак** в слове «гакѣ», **ап** и **ан** в слове «напнсѣннѣ»; стк. 14 — **чн** и **ан** в слове «чнѣгѣлѣ», **тн** в слове «чѣтн», **ар** в слове «гѣрѣлѣ»; стк. 15 — **ни** в слове «радѣннѣ», **пр**, **аг** и **ан** в слове «прѣлѣлн»; стк. 16 — **пр** и **ав** в слове «справы», **ан** в слове «жѣлн».

Суспенсия: а) Крестные имена: стк. 4 — **ко**, **тѣѣ**; б) Эпитафия: **оаномо** (стк. 10), **зѣа** (стк. 12), **ѣ** (стк. 12). Контрактуры: а) Крест-

ные имена: *црѣ славы* (стк. 1), *и хѣ* (стк. 2); 6) Эпитафия: *члвкъ* (стк. 1), *члвчствѣ* (стк. 2), *вѣчѣ* (стк. 9), *нѣт* (стк. 10), *сѣмѣчѣ* (стк. 13).

Оформление начала слов с помощью выносных букв: *рѣка* (стк. 2). Оформление окончаний слов с помощью выносных букв и буквенных титл: *сѣмѣчѣ* (стк. 1), *члвчствѣ* (стк. 2), *самовны* (стк. 2), *зацинѣтѣ* (стк. 3), *приминѣ* (стк. 3), *падѣ* (стк. 4), *прѣ* (стк. 4), *каминѣ* (стк. 5), *гѣбѣ* (стк. 6), *бжиглѣтѣ* (стк. 6), *лвлѣ* (стк. 7), *иереминѣ ннѣ* (стк. 7), *члѣ* (стк. 7), *квлѣ ѣ* (стк. 7), *погрѣкѣ* (стк. 8, в лигатуре), *лжѣ* (стк. 8), *члѣбѣ* (стк. 8), *пнѣтѣ* (стк. 9), *зѣрѣнѣ* (стк. 9), *жѣ ѣ гѣбѣ* (стк. 10), *пѣдонѣ* (стк. 11), *нѣ* (стк. 11), *вѣ* (стк. 11, 15), (жи) *вѣцѣ* (стк. 12), *длѣ* (стк. 12), *гѣу* (стк. 12, в лигатуре), *вѣчѣ* (стк. 13, в лигатуре), *гѣнѣ* (стк. 13), *члѣкѣ* (стк. 13), *влѣкѣ* (стк. 14), *чрѣ* (стк. 15). Оформление окончаний строк с помощью выносных букв: *юрѣнѣ* (стк. 15).

Ошибки резчика. В словах «*црѣ славы*» (крестные имена, стк. 1) пропущены титла. В слове «*полатѣ*» (стк. 10–11) буква **К** исправлена из **Ѣ**. В слове *гдѣрѣбѣ* (стк. 14) первоначально была вырезана буква **О**, к правой стороне которой затем были добавлены горизонтальная перекладка и вертикальная мачта, а к верхней части последней резчик позднее прибавил завиток, превратив таким образом ошибочное написание в лигатуру **ЛР**.

Уникальность публикуемой эпитафии состоит в том, что это — самый ранний на настоящий момент поэтический памятник этого жанра, созданный вдали от столицы, на северо-западном рубеже Русского государства. Вирши, составляющие единый комплекс с декоративным оформлением плиты, делают надгробие типичным памятником культуры московского барокко³.

Эпитафия содержит редчайшее для конца XVII в. указание на имя ее автора — Гавриила, сына иеромонаха Ионы, пополняя таким образом список поэтов, творивших в это время. Но сведения о нем более чем скудны. Гавриил — светский человек, и, возможно, житель Печор — не входил в круг подвизавшихся при царском дворе ученых монахов, которые внесли основной вклад в развитие стихотворной эпитафии и ее распространение на московских некрополях. Воспитан он был в старомосковских традициях, но ему была близка и активно наполнявшая их культура московского барокко.

Стихотворный текст строится как диалог автора эпитафии с читателем, что типично, например, для творчества Кариона Истомина и имеет структуру, традиционную для русских силлабических эпитафий: стк. 1–6 — зачин: смерть как всеобщая

3. Здесь и далее ссылки на нумерацию строк даются в соответствии с практической транскрипцией эпитафии.

участь; стк. 7–10 — описание гроба с останками адресата эпитафии; стк. 11–20 — черты биографии и личности адресата эпитафии; стк. 21–28 — заключение: мысли о душеполезности поминания, дата смерти адресата эпитафии и обращение автора к читателю с просьбой прочесть его труд. Из этой структуры выпадают стк. 29–30, колофон, характерный для древнерусского переписчика книг, где автор просит исправить допущенные им «прегрешения».

Как стихотворное произведение конца XVII в. эпитафия является сплавом агиографических и барочных топосов.

Включенный в эпитафию агиотип смертной памяти связан с биографией адресата эпитафии. Подражая монахам-подвижникам и памятуя о смерти, иеромонах Иона, «¹⁰ жив сый, гроб в земли ископая // И в пол¹¹ате место его уготовляя», подготовил место своего будущего погребения. Сюжет, когда инок готовит сам себе могилу и гроб задолго до смерти, также является типичным агиотипом. Например, Житие Нила Столобенского сообщает, что подвижник «за многи время приде преставленїа свего в члвчнѣ, некипѣ зѣман, и устроїи мѣсто в поставленїа гроба свего: в немъ же хотѣ почити ѿ трудовъ свихъ, и гробъ истребїи свїма рѣкѣма, и в зѣман постави, и прихаждаше по всѣ дни ко гробѣ томѣ, и плакаше над нимъ умилнно слѣд. глагола в себѣ: сїи покой мой, и се жилище мѣ» (Житие Нила 2004: 50 об. — 51). О прп. же Дионисии Глушицком в Житии говорится, что он «некипѣ себѣ гробъ прїе свего преставленїа за. 5. лѣт, обрѣзъ смотряше ѿнѣдъ свего прехоженїа. поминаше на всѣ днѣ яко величїа тѣло» (Житие Дионисия 2006: 118–119). Также и прп. Мартирий Зеленецкий собственноручно «некипѣ убо себѣ ровъ глѣбикъ и гробъ тѣло свїма рѣкѣма устроивъ, и хожаше во нь <...> себѣ при гробѣ, умилнно плачѣя жѣлнно <...> провожда от себѣ жизнь снї повлмннннн, скоро погнѣланннн» (Житие Мартирия 1998: 104). Сходный агиотип присутствует в новгородской «Повести о посаднике Щиле» (Ерѣмин 1932: 171). Данный агиотип отражает влияние житийных текстов на обыденные монашеские практики в конце XVII в. Вместе с тем обычай изготовления гроба при жизни зафиксирован этнографами, равно как и уподобление его жилищу (Афанасьева, Плотникова 1995: 553–554, 555). Симптоматично, что этот мотив в эпитафии сопровождается сентенцией, актуализирующей память смертную у читателя: «¹¹ Подобно ж сие нам всем поминати, // Аще и в мире жи¹²вущим дает знати».

Данному агиотипу предшествует барочный образ смерти с косою, который находит полные аналогии в цикле стихотворений Симеона Полоцкого, посвященных смерти (Simeon Polockij 2000: 143, 144, 149, 151, 152):

Эпитафия Ионе	Симеон Полоцкий
⁴ О, не защитит богатство, не преминет сиротой, Мали и ⁴ велицы падут пред ся косою.	Всяк же косы смерти неизбѣжно чае, Я же вся во гробѣх имать уравни

Типичными для силлабической эпитафии эпохи московско-го барокко являются строки:

|⁶ Оби|⁷ тател(я) обители сея зде являет,
Иеромонах инок востания чае.
Келар(ь) сый, пребывая, и |⁸ межя делом,
Погребень лежит зде телом,
Иона имя ему, совершен в ста|⁹ рости.
Рцы: да причтет его Б(о)г избранных радости
И ангельскаго сподобися |¹⁰ чину,
Онамо ж пребывати в н(е)бе выну.

Обозначенные здесь мотивы ожидания всеобщего воскресения в день Страшного суда и вечного пребывания души в небе, а также просьба к проходящему помолиться о душе усопшего — типичны для силлабической эпитафии и постоянно встречаются в «надгробной» поэзии Кариона Истомина и других авторов.

Вместе с тем необходимо отметить, что эпитафия содержит сильные, но архаичные для конца XVII в. черты виршевого стиха, выразившиеся в нарушении изосиллабизма строк. Подсчет слогов (с удалением фразы «семь тысяч» в дате, которая, скорее всего, не произносилась) дает такой результат: 12-9-18-14-16-14-12-10-12-12-14-13-12-8-13-13-11-11-9-13-11-12-16-14-9-14-11-14-13-13. Изосиллабичны лишь строки 10-11, 12-14, 17-18 и 28-29, что свидетельствует об эпизодической тенденции к силлабизации.

На бытование традиций виршевого стиха в надгробной эпиграфике Псково-Печерского монастыря, видимо, свидетельствует надпись С1R0442 (1701 г.), в которой соединены элементы эпитафии и данной грамоты. Здесь в строках с 4-й по 6-ю и с 10-й по 12-ю заключены виршевые стихи с числом слогов 15-12-9-14-19-16-17-17-6-13:

|⁴ в мѡлѡі пещѣрѣ на сѣмѣ мѣсте нѡбѡи почити
|⁴ ѡ тело |⁵ свое грѣшное положити
|⁵ ѡ бѣдѣ гдѣ бѣговоличитъ
|⁵ ѡ того же стѣлѡ |⁶ мѣста в пещѣрѣ пребѣ
|⁶ тѣло свое грѣшное съ е|⁷ же мѡренинымѣ грѣбѡмѣ положѣ

¹⁰ ГРОБЫ С ЧТѢЛМН ІХЪ ВЪ ТОМЪ ЖЕ ОДНОМЪ МѢ¹¹ СТЕ СОВОСДПНѢТЬ
¹¹ Н ЧЕХЪ МѢСЧЪ ННОМЪ НИКОМЪ ПОЖАЛОВАТЬ |¹² НЕ ЗАЧЕННЪ
¹² ЧТОБЪ Н ІХЪ С ЧТѢЛМІ ПОСЛѢ СМѢТН БО ЕДИНО МЕТЪ БЪ
¹² ЧДЪ ЖЕ ПОЖАЛОВА
¹³ ІЕРОМОМЪХА ВАСНОДІА ГРОБЪ ПОЛОЖИ

Таким образом, публикуемая эпитафия представляет органичный сплав барочной и традиционной книжной культуры с ярко выраженным авторским началом и биографическим содержанием.

Список литературы

- Авдеев 2006 — А. Г. Авдеев. Старорусская эпиграфика и книжность. Ново-Иерусалимская школа эпиграфической поэзии. М., 2006.
- Авдеев 2017 — А. Г. Авдеев. Русская силлабическая эпитафия последней четверти XVII — начала второй четверти XVIII в. // Palaeoslavica. Vol. XXV. No. 1. 2017. С. 55–177.
- Авдеев, Свойский 2019 — А. Г. Авдеев, Ю. М. Свойский. Методы документирования эпиграфических памятников Московской Руси в рамках Свода русских надписей (СІР) // Вопросы эпиграфики. Вып. X. 2019. С. 229–260.
- Афанасьева, Плотникова 1995 — Н. Е. Афанасьева, А. А. Плотникова. Гроб // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1: А–Г. М., 1995. С. 553–557.
- Беляев 1996 — Л. А. Беляев. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996.
- Богданов 2005 — А. П. Богданов. Стих и образ меняющейся России. Последняя четверть XVII — начало XVIII в. М., 2005.
- Былинин 1992 — В. К. Былинин. Русскоязычные эпиграммы XVI века // Герменевтика древнерусской литературы X–XVI вв. Сб. 3. М., 1992. С. 399–413.
- Ерёмин 1932 — П. И. Ерёмин. Из истории старинной русской повести. Повесть о посаднике Щиле (исследования и тексты) // ТОДРЛ. Т. 1. 1932. С. 59–151.
- Житие Дионисия 2006 — Житие Дионисия Глушицкого // Жития Дмитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого и Григория Пельшемского. Тексты и словуказатель / Под ред. А. С. Герда. СПб., 2006. С. 95–146.
- Житие Мартирия 1998 — Житие Мартирия Зеленецкого // Мартирий Зеленецкий и основанный им Троицкий монастырь / Изд. подг. Е. В. Крушельницкая. СПб., 1998. С. 52–109.
- Житие Нила 2004 — Житие Нила Столобенского: Рукописный список Государственного архива Тверской области / Вступ. статья, пер. и примеч. В. З. Исакова, археографич. коммент. Г. С. Гадаловой. Тверь, 2004.
- Лабынцев 1992 — Ю. А. Лабынцев. Греко-«славянские» эпитафии Евфимия Чудовского // Славяноведение. 1992. № 2. С. 102–108.
- Николаев, Царькова 1998 — С. Николаев, Т. Царькова. Три века русской эпитафии // Русская стихотворная эпитафия. СПб., 1998. С. 5–44.
- Плешанова 1966 — И. И. Плешанова. Керамические надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // Нумизматика и эпиграфика. Т. VI. 1966. С. 149–206.

- Плешанова 1978 — И. И. Плешанова. Каменные надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // Нумизматика и эпиграфика. Т. XII. 1978. С. 63–185.
- Поэзия 2016 — Поэзия. Учебник / Сост. Н. М. Азарова, К. М. Корчагин, В. А. Плуныгин. М., 2016.
- Сазонова 2006 — Л. И. Сазонова. Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006.
- Сукина 2005 — Л. Б. Сукина. «Эпитафия Димитрию Ростовскому» Стефана Яворского в контексте культуры переходного времени // История и культура Ростовской земли. 2004. Ростов, 2005. С. 125–130.
- Федорцова 2020 — М. Ю. Федорцова. Эпитафия прп. Максима Грека Феодору Твритину: к вопросу об античной традиции в русскоязычной стихотворной эпитафии // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2020. № 4 (20): Мемориальная культура Московской Руси. С. 139–150.
- Царькова 1999 — Т. С. Царькова. Русская стихотворная эпитафия XIX–XX веков. Источники. Эволюция. Поэтика. СПб., 1999.
- CIR — Свод русских надписей = Corpus Inscriptionum Rossicarum (Электронный ресурс. URL: cir.rssda.su. Дата обращения: 05.01.2023).
- Simeon Polockij 2000 — Simeon Polockij. Vertograd mnogocvėtnij. Vol. 3: «Prav nikto že» — «Epitafion» Simeonu / Ed. by A. Hipsley and L. I. Sazonova. Köln; Weimar; Wien, 2000 (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. NF. Rh. V: Editionen. Bd. 10/III).